

Научная статья

УДК 811.222.1'373

DOI: 10.47475/1994-2796-2026-511-5-62-69

ОТРАЖЕНИЕ МИФОНИМА «МЕНР» («МИТРА») КАК МОРФЕМЫ В СИСТЕМЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ ПЕРСИДСКОГО ЯЗЫКА

Марьям Моради

Университет имени Алламе Табатабаи, Тегеран, Иран, m.moradi@atu.ac.ir, 0000-0002-6652-227X

Аннотация. Цель исследования — показать устойчивость и наследуемость мифонимических, символических и ритуальных значений в древних по происхождению лексемах, бытующих и в современном иранском языке. Новизна исследования заключается в диахроническом исследовании происхождения современных лексем с учетом их историко-социального и политического аспектов. Исследование косвенно показывает устойчивость иранской мифопоэтической идентичности с точки зрения лингвистики. Культ митраизма, будучи единственным культом в Иране до появления первого в мире монотеистического пророка Зороастра, распространился в Азии и Европе во время войн между древним Ираном и Римом. Этот культ напрямую связан с лингвокультуремой *солнца* (Митры) и астрологией. В данной статье с лингвистической точки зрения рассмотрено отражение лингвокультуремы Митры в деривационной системе современного персидского языка. В числе прочего показано, что мифоним «хранитель солнца» (mehrban) в культе митраизма во время зороастризма приобрел значение «хранитель фольклора», в современном же персидском языке Mehrban означает «добрый человек», фраза Мир-ноурузи (Mir-e Nowrouzi) придает новогоднюю юмористическую тональность иранскому новогоднему празднику. Показано, что в отличие от своей омонимической арабской формы мифонимическое прозвище *Амир* имеет корни в митраизме и означает «бессмертный человек». Морфемы-мифонимы прошли через сложные и длительные исторические процессы, но их оригинальные значения восстанавливаются как лежащие в истоках последующих метафорических и метонимических переходов.

Ключевые слова: митраизм, солнце, морфема «mehr» в роли префикса / суффикса, персидский язык, Mehrbān, Mehregan, Mir-e-Nowrouzi

Для цитирования: Моради М. Отражение мифонима «Mehr» («Mitra») как морфемы в системе словообразования персидского языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2026. № 5 (511). С. 62–69. DOI: 10.47475/1994-2796-2026-511-5-62-69

Original article

REFLECTION OF THE MYTHONYM “MEHR” (MITRÁ) AS A MORPHEME IN THE WORD-FORMATION OF THE PERSIAN LANGUAGE

Maryam Moradi

Allameh Tabataba'i University, Tehran, Iran, m.moradi@atu.ac.ir, 0000-0002-6652-227X

Abstract. The aim of this study is to demonstrate the stability and heritability of mythonymic, symbolic, and ritual meanings in ancient lexemes that are still used in the modern Iranian language. The novelty of the study lies in its diachronic analysis of the origins of modern lexemes, considering their historical, social, and political contexts. This research indirectly highlights the stability of Iranian mythopoetic identity from a linguistic perspective. The cult of Mithraism, which was the predominant cult in Iran before the emergence of the world's first monotheistic prophet, Zoroaster, spread to Asia and Europe during the conflicts between ancient Iran and Rome. This cult is closely associated with the concept of the sun (Mitrá) and astrology. This article explores the reflection of the concept of Mitrá in the derivational system of modern Persian through mythonymous morphemes and lexemes. For instance, the mythonymous lexeme “Mehrban”, which originally meant “keeper of the sun” in the cult of Mithraism, evolved during Zoroastrianism to mean “keeper of folklore”. In modern Persian, “Mehrban” now signifies “good man”. Additionally, “Mir-e Nowrouzi” adds a humorous tone to the Iranian New Year's greeting. It is also shown that, unlike

its homonymous Arabic form, the mythonymous nickname “Amir” has roots in Mithraism and means “immortal man”. Mythonyms have undergone complex and lengthy historical processes, but their original meanings are preserved as the foundations of subsequent metaphorical and metonymic derivations.

Keywords: Mithraism, sun, morpheme “Mehr” as a prefix / suffix, Persian, Mehrbān, Mehregan, Mir-e-Nowruzi

For citation: Moradi M. Reflection of the Mythonym “Mehr” (Mitra) as a Morpheme in the Word-Formation of the Persian Language. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2026;(5(511):62-69. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2026-511-5-62-69

Введение

Предметом настоящего исследования являются случаи употребления мифонима «mehr» («Митра») как морфемы в системе словообразования персидского языка. Указанный аффикс, берущий свое начало от древнего иранского культа митраизма, до сегодняшнего дня продолжает свою функцию и не устарел. Он особенно часто используется в образовании мифонимов с частью «Mehr» (в значении Солнца как сердца нашей Солнечной системы). Методом нашего исследования является библиотечное изучение материалов, написанных в области исторической и археологической лингвистики. Гипотеза исследования заключается в том, что «mehr» — название одного из 12 месяцев иранского солнечного календаря, являющееся частью структурной морфологии в ритуалах и праздниках Древнего Ирана, сегодня активно используется при образовании мужских и женских иранских имен. Новизна настоящего исследования заключается в том, что в то время как до сих пор большинство исследований в области митраизма охватывают историческую, археологическую и астрономическую стороны вопроса, в данной работе в центре внимания стоит лингвистическое изучение слов, образованных при помощи аффикса «mehr».

Язат Митра (Mehr) в священной Авесте и в мировой мифологии

В авестийской мифологии мифоним «Mehr» означал «хранитель обетования и завета» и персонафицируется язатом Митрой, ангелом доброты и справедливости, который может, тем не менее, гневаться и наказывать тех, кто нарушает закон и соглашение, и даже разжигать войны [8, с. 96]. До разделения иранских и индийских племен Митра, вероятно, фигурировал в образе бога Варуны (Varuna, скр. वरुण) или Дьяуса (Dyaus, скр. द्यौषितृ — «небо»). По верованиям индийского и иранского народов Варуна управлял действиями человека, он считался самым могущественным божеством у арийцев [21, с. 4462].

Впервые о язате Митре упоминается примерно в XV в. до н.э., когда между Митанни и Хеттами было составлено соглашение, в котором обе сто-

роны присягнули этому божеству. Это показывает древность данного язата. Во времена Зороастра его имя сохранилось в Священной Авесте в Mehr-Яште. 10 Яшт в Авесте посвящен Митре [6, с. 179]; 6 и 7 Яшты Авесты посвящены соответственно Солнцу и Луне, что подтверждает тот факт, что в зороастризме отличали Митру от Солнца и Огня [15, с. 360–369]. Можно сказать, что в Яште 10 упоминаются важные характеристики, лежащие в основе иранского прогресса, такие как: а) правдивость и выполнение обещаний, б) храбрость и борьба [14].

В своих религиозных реформах Зороастр отказался от всех предыдущих язатов, включая Митру, и установил монотеизм, но Митра продолжал свое существование как одно из творений Ахурамазды [8, с. 64]. В зороастрийской религии солнце, наряду с водой и огнем, является одним из трех кибл, которое трижды в день передает человечеству послание Ахурамазды. Полное соединение Митры с Солнцем относится к времени династии Сасанидов. В эту эпоху клятва Солнцем и клятва Митрой считались одним и тем же [8, с. 76].

Язат Митра родился из скалы (камня), поэтому пещеру, через которую текла вода, называли святилищем Митры (Митреумом). Первые Митреумы были созданы в форме скальных пещер. Согласно верованиям, солнце сохраняет землю и то, что находится на ней, в чистоте. Если бы не оно, демоны загрязнили бы и разрушили мир. Кто хвалит солнце, тот хвалит Бога-Ахурамазду. Демоны же являются тогда, когда солнца нет, т. е. когда оно заходит.

В митраистском культе выделено семь духовных этапов, шестой из них принадлежит именно Солнцу. Согласно митраизму, душа человека, спускаясь с седьмого неба, приобретает атрибуты, необходимые для жизни на Земле. В Сатурне — она наделяется мышлением, логикой и разумом, в Юпитере — волей и трудолюбием, в Марсе — смелостью и отвагой, в Солнце — восприятием, в Венере — похотью, В Меркурии — способностью говорить, в Луне она получает качества роста и развития. После смерти, она тем же путем летит на небеса [4, с. 301]. В Авесте Митра

предстает как язат на колеснице из четырех лошадей, пересекающей небо (Авеста, 10 Яшт) [15, с. 371–389].

В книге Авесты, особенно в 10 Яште, посвященном Митре, подчеркивается, что Митра и Солнце становятся одним существом. Митра выступает в качестве посредника между силами добра и зла. В иранской мифологии, в культе Митры и в зороастрийской религии змея — самое низкое существо на дне земли, а Солнце — самое высокое на небе. Солнце в Авесте — это также глаз Ахурамазды (Авеста, Ясна 1, п. 11). Лучи Солнца очищают нечистоты, и в присутствии Солнца Ангра-Майнью (демон) не способен навредить творениям бога Ахурамазды.

Но в мифологии Митры имеется и сюжет борьбы с Солнцем, когда после рождения язат Митра решил проверить свою силу и мощь, сразиться с Солнцем и победить его. По легенде, Солнце было первым богом, с которым сражался Митра. Когда Солнце проиграло в битве, оно заключило с ним договор о дружбе, а взамен Митра возложил на его голову сияющую корону, и эти двое навсегда стали соратниками [19, с. 134]. Сцены поклонения Митре рассказывают о господстве Митры над Солнцем и другими стихиями природы. На некоторых из этих изображений мы видим Солнце, стоящее на коленях перед Митрой. Считается, что, победив Солнце, Митра приобрел атрибут непобедимости, который ранее принадлежал Солнцу.

На иконе «Митры, убивающего быка» (рис. 1), Митра представляет «Солнце». Митра садится быку на спину и вонзает нож ему в плечо. Изображения на иконе являются представителями созвездий. Бык представляет собой созвездие «Тор»; собаки символизируют Большой Пёс и Малый Пёс; змея-Гидра, Скорпион, ворон и Близнецы. Змея, обвившаяся вокруг робинии, символизирует жизнь и здоровье; зеленая робиния символизирует истину. Собака и змея пришли лизать кровь,

Рис. 1. Икона «Митра, убивающий быка»
Fig. 1. Icon "Mithras Slaying the Bull"

а скорпион кусает гениталии быка. Собака — символ охраны, а скорпион — представитель дьявола, желающего осквернить бычье семя [12, с. 1–20].

Имена нарицательные и собственные с морфемой «mehr»

Приведем примеры бытования морфемы-мифонима «mehr» в именах нарицательных и собственных иранского языка.

1. Эволюция лексемы «Mehrībān»

Искусство повествования сказаний в Иране имеет древнюю историю с древних времен до наших дней. В иранских сказаниях внутренняя тема обладала историко-философским мотивом. Слово «Mehrībān» имеет в своем составе морфему-мифоним «mehr». Во время митраизма и зороастризма оно означало «хранитель солнца», а далее — «хранитель сказаний» [10, с. 45–68]. В современном персидском языке «Mehrībān» используется в роли имени прилагательного и имеет значение «добрый». Историческое же значение Mehrībān «хранитель (и передатчик) народных сказаний» продолжает свое существование на территории Ирана и Кавказа и по сей день в виде метонимического синонима «гусан» [11, с. 11–25].

На среднеперсидском языке слово «гусан» означало того, кто поет национальные и народные песни и сочиняет эпосы [22, с. 3136]. Также в древнеперсидском языке есть слово «Гаты», являющееся частью Авесты, означающее авестийские гимны. При добавлении суффикса множественного числа данное слово превращается в gahan / gathan. Это наводит на мысль о том, что помимо зороастрийских магов, возможно, зороастрийскими рассказчиками выступали и гусаны. До прихода ислама эти рассказчики были разбросаны почти по всей Персии. Но затем гусаны рассеялись по трем основным регионам: Хорасан, Азербайджан и Курдистан [16, с. 3, 7]. Истоки таких хранителей истории и рассказчиков уходят в традиции культа митраизма и религии зороастризма в древнем Иране и Месопотамии [18, с. 30].

В период Древнего Ирана существительное مهربان / mehrībān «добросердечные люди» применялось к ритуальным музыкантам и певцам. Мехрбаны (mehrībān) или хуниагары (khonyāgar) были связаны с культом поклонения Митре. В период правления Парфии и Сасанидов мехрбаны передали свое наследие гусанам.

Дружба мехрбанов с великим Фердоуси явилась фундаментом, на котором было создано эпическое произведение «Шахнаме» (994 г., XI в.). Это доказывает, что хранителями и передатчиками эпической устной традиции в Древнем Иране

были священники культа митраизма и религии зороастризма. Семантическая связь слова «гусан» с «mehraban» дается в Авесте: на древнеиранском языке пехлеви گاس gās и گاه gāh означают «стихи». Зороастрийские маги (священники) мелодично пели گاتاها (Gathas, гаты, گاهان gahan, gāhān). Согласно имеющимся документам, стихи Авесты сопровождалась музыкой и пелись в храмах Огня [18, с. 30–31].

2. Морфема-мифоним «mehr» в именах собственных

Во-первых, стоит отметить примеры антропонимов с морфемой «mehr», относящихся к реальным историческим фигурам. Мы наблюдаем морфему-мифоним «mehr» в именах трех известных людей времени Сасанидов, где она используется в качестве суффикса и префикса. Как суффикс эта морфема употребляется в имени великого министра сасанидского шаха Кавада I (498–531 гг.) и его сына Хосрова I (531–579 гг.) — Бозоргмехр-и-Бохтаган (Borzorgmehṛ-e Bokhtagan); как префикс — в имени зороастрийского священника-мага при сасанидском царе Шапуре II Адурбана Махраспандана (Adurban I Mahrspandan) (мобедан-мобеда); также в качестве префикса эта морфема используется в имени седьмого шаха Сасанидов Михра-Нарсе (Mihr-Narseh, 293–302 гг.).

Теперь упомянем несколько случаев употребления морфемы-мифонима «mehr» в фольклоре и художественных произведениях. Эта морфема содержится в сказании «Mah-o-Mehṛ» («Луна и солнце», Mah-o-Mehr), легенде о Махе (Луна — принцесса Запада) и Mehre, или Митре (Солнце — принц Востока). Повествование «Mah-o-Mehṛ» наполнено именами, взятыми из астрономии и природы: луна, полумесяц, звезды, названия планет, ветер, соловей и т. д. В сказании сорокалетний мужчина, мечтающий иметь ребенка, женится на пери, и у него рождается сын, нареченный Mehrom. Астрологи предсказали ему, что его сыну в 18 лет придется пройти трудный жизненный этап. Юноше удастся пройти этот путь, и он женится на Mah [23, с. 101–122] [3, с. 202–207]. После удивительных приключений и опасных путешествий, множества страданий, невзгод и необыкновенных поступков они оказываются в окружении великанов, фей, сподвижников и спутников министра, шаха и других персонажей. В конце концов, они счастливо женятся. Сказание-маснави «Mehṛ и Mah» представляет собой прозаическое повествование, основанное на стихотворениях Джамали Дехлави, персоязычного поэта и мистика из Индии (1441–1535 гг.), в поэзии которого

встречаются вкрапления стихов Низами, Саади, Хафеза и Сафаи. Главная особенность данного произведения заключается в том, что имена всех персонажей взяты из названий планет Солнечной системы [5, с. 1–198].

В произведении М. Ю. Лермонтова «Ашик-Кериб» главная героиня Магуль-Мегери демонстрирует богатую духовную организацию, наполненную бесстрашием, верностью, искренностью и чистотой [1, с. 39]. Имя героини содержит морфему-мифоним, напоминающую о древних представлениях народов Персии и Азербайджана. Оно состоит из двух частей: ماه [māh] — «луна» и مهر [mehr] — «Митра», «солнце». Сват Магуль-Мегери — Куршуд-бек. Его имя также отсылает к мифологии, так как по-персидски Куршуд (Хуршид) означает «солнце». Очевидно, что использование в этом коротком народном предании названий со значениями луны и солнца не случайно.

3. Морфема-мифоним «mehr» в именах собственных и в качестве титулования

Со времен митраизма «Mehṛ» встречается, в сочетании с другими морфемами, в качестве титулования в формах «Amar-», «Mar-», «Amir-», «Mir-». Эти префиксы встречаются в именах персов, наделенных духовной святостью и зороастрийским религиозным статусом во времена династии Сасанидов. После установления ислама в Иране титулы «Амир» и «Мир» использовались в именах правителей периода халифов Аббасидов, а также при династиях Тахиридов и Саманидов. Так, префикс «Амир» применялся в словосочетании «Амир аль-Муминин» для обозначения халифов. В этот же период иранцы использовали «Мир» для обозначения религиозных старейшин и святых как синоним слов «Сеид» и «Ага» (господин). Далее его использовали в именах тех, кто был выходцем из арабов или был связан с семьей Пророка Мухаммеда. «Мар», сирийское слово, и его синоним «Сеид» в основном употребляются по отношению к священнослужителям.

Возьмем мужское имя *Амир*, которое имеет одно значение в иврите и арабском языке и другое — в персидском языке. В арабском языке данное имя восходит к арабскому корню «Амр», что означает «командовать», в иврите аналогичное слово означает «приказывать». В персидском языке данное имя рассматривается как состоящее из двух частей: отрицательного аффикса «a-» + «mir» в значении «умирать»; следовательно, значение этого имени — «тот, кто никогда не умирает».

В период Сасанидов религия и политика постепенно переходили в руки одного человека,

и во времена последнего шаха они полностью находились в руках зороастрийских магов, в частности, в руках мога Картира. Такая же ситуация имела место и после принятия ислама: постепенно религиозная власть возростала и распространялась на политическую сферу. Слово «Амир» отражает передачу власти и политики в руки одного человека. В исламе халифам присваивался титул *Амир аль-муминин* (правитель правоверных). Этот титул продолжали использовать халифы Омейядов и Аббасидов [7, с. 131].

б) «Mehrg» встречается в основах женских имен «Мари-» и «Март-» («Морт-») в значении «моя хозяйка/госпожа». Имена «Марие», «Мария», «Марьям», «Марта» являются женскими формами от «Мар» < «Mehrg». «Мария» — распространенное женское имя среди египетских/коптских женщин и сирийских христианок, в Библии — мать Иисуса Христа и святая женщина [7, с. 111–113].

в) Сегодня «mehrg» широко и с большой частотностью встречается как в мужских, так и женских именах: Mehrdad (тот, кого дал Митра), Mehr-Azar / Azar-Mehrg — женское имя (огненная Митра), Mehr-naz — женское имя (красивая Митра), Mehr-dokht (дочь Митры), Mehr-shid (Мита, похожая на солнце) и многие другие. В культе митраизма Митра был мужской фигурой, но в современном персидском языке Митра является распространенным именем девочек.

4. Использование морфемы-мифонима «mehrg» в наименованиях праздников:

Изафетная конструкция «Мир-е-Миран» (Амир всех Амиров), имеющая в своем составе морфему «mehrg», обозначает карнавальный праздник. Во время этого карнавала проводятся уличные театраллизации. Карнавал проводится ежегодно, особенно эта традиция характерна для Курдистана. Мир-е-Миран считается самым длинным карнавалом в мире, он продолжается несколько суток и является продолжением древней традиции поминовения смерти шаха и воскрешения природы. Время проведения данного торжества — накануне солнечного нового года. По одним данным, период правления Миренорузи составлял 5 дней (с 21 по 25 марта), по другим — 13 дней (21 по 31 марта).

Этот ритуал представляет собой одну из самых популярных уличных театраллизаций в Иране, совмещающую политические, социальные и развлекательные функции. Театральное действие обладает особенностью импровизации, подчеркивая многоголосие общества в противовес одноголосию правителя. В празднике участвуют все

люди независимо от пола и социального класса. Радостное, но хаотичное собрание деревенских жителей ждет у входа в деревню и выбирает первого проходящего путника или прохожего «Миром» деревни, то есть назначает его правителем. Этому человеку вверяют халат и корону правителя, а также лошадь с украшениями на срок от 5 до 13 дней в селе или городе [17, с. 26–28].

Социально-политический перформанс Мир-е-Миран или Мир-ноурузи является художественным действием, символизирующим образование новых общественных отношений, коммуникацию общества и власти. Во время Мир-е-Мирана происходит изменение роли высших политических слоев общества на низшие и наоборот. Его идея состоит в том, чтобы подчеркнуть важность юмора, высмеять существующие социальные порядки [17, с. 36; 2, с. 182]. Примечательно, что в то время как Мир-е-Миран имеет юмористическую тональность, его синонимическая форма Амир аль-муминин, означающая «правитель правоверных» в Исламе, обладает серьезной религиозной тональностью.

Мирноурузи — еще один из древних обычаев иранцев, название которого также содержит морфему-мифоним «mehrg». Согласно этому обычаю, в течение пяти дней на трон символически сажают человека, не разбирающегося в государственных делах, и он делает такие юмористические вещи, которые заставляют людей смеяться и веселиться. Данная традиция сопровождается танцами и пением. Мирноурузи праздновали еще в вавилонской и египетской культурах; это был способ высмеивать серьезные и страшные события в мире, смеяться над ними, чтобы плохое было забыто, и правитель и его подданные могли начать новый год со свежими и радостными мыслями [7, с. 132]. В монографии «Золотая ветвь: исследование магии и религии» Дж. Дж. Фрезер рассматривает существующие сходства между данным иранским празднованием и сатурналиями в Риме, праздником Крония (Kronia) в Греции в честь греческого верховного божества Кроноса и празднованием Акиту в Вавилоне [9, с. 657–672]. На празднование Мир-е-Мирана повлияла традиция Акиту (Sacea) в Месопотамии, длившаяся пять дней, при которой менялись местами господин и раб (правитель и простой народ). Страбон считал, что этот праздник проводился везде, где было поклонение Анахите — покровительнице вод, но поскольку Анахита происходит от вавилонской Иштар, можно считать, что сам праздник восходит к вавилонской цивилизации [13, с. 87–88].

Следует добавить, что на 44-м заседании Комитета всемирного наследия ЮНЕСКО (2021 г.) в Фучжоу (Китай) Мирнорузи был включен в список всемирного наследия ЮНЕСКО в рамках объекта «Культурный ландшафт Ураман» (Cultural Landscape of Hawraman / Uramanat) — это 26-й объект материального наследия Ирана. Мирнорузи — одно из важных событий, ежегодно отмечаемых в Орамане.

Праздник «Maḡr-e-gan» (Mehregan / Мехрган) в честь язата Митры считается самым важным иранским праздником после Новруза. В его названии морфема «-ган» означает «время». Считается, что Maḡr-e-gan — это день Митры / Mehr в месяце Mehr (16-й день первого месяца осени). Согласно мифу, в этот день богатырь-кузнец по имени Каве (Kaveh), низвергший иноземного узурпатора Заххака, надевает корону на голову Ферейдун-шаха, и справедливость торжествует повсюду в Иране. Это повествование также встречается в Авесте [20, с. 260–262] [21, с. 4466]. Кроме того, «Maḡr-e-gan» — совместно представленный Ираном и Таджикистаном — был зарегистрирован в качестве 25-го элемента нематериального культурного наследия 3 декабря на 19-м заседании Международного комитета по охране нематериального культурного наследия ЮНЕСКО в Парагвае.

Заключение

В данной статье продемонстрировано бытование мифо-морфем mehr, amar, mar, mort, maḡr в системе словообразования персидского языка. Тема нашего исследования свидетельствует о древней идентичности иранцев, которая сегодня осознанно или неосознанно продолжает свое существование. Указанные словоформы остались в современном персидском языке со времен культа митраизма. В итоге данного исследования было выяснено, что лексема «Mehrban» утратила свое начальное религиозное значение. При митраизме Mehrban являлись религиозными хранителями святынь-митреумов; при зороастризме они занимались составлением и передачей эпических и ритуальных сказаний, и именно с их помощью персоязычный поэт Фирдоуси создал «Шахнаме». Позже роль Mehrban приобрели «гусань». В современном персидском языке Mehrban содержит лишь семантику «добрый». Мы выяснили, что морфемы «mehr», «amar», «mehr», «mar» означают доброжелательность и духовную святость своего обладателя. Персидская форма «Амир» состоит из двух частей: отрицательный аффикс «a-» + «мир» в значении «умирать», то есть «бессмертный». Соответствующие женские формы «Морт» и «Мари» имеют значение моя хозяйка / госпожа. От последних форм были образованы высокочастотные женские имена «Мария», «Марьям» и «Марта».

Список источников

1. Гусейнова Э. Д. Некоторые заметки о произведении Михаила Юрьевича Лермонтова «АШУТ ГАРИБ» // Филологические науки. East European Scientific Journal. 2021. Т. 6, № 70. С. 37–40.
2. Сокаева Д. В., Дзапарова Е. Б., Моради Марьям, Шафаги Марьям. Исследование персидского фольклора: генезис, семантика, индоевропейский и иранский контекст. Университет им. Алламе Табатабаи, СОИГСИ. В. И. Абаева, ВНЦ РАН, Тегеран — Владикавказ, 2024 г. 384 с.
3. اسلام پناه، محمدحسين. قصه مهر و ماه. آينه ميراث. تابستان و پاييز 1385. شماره 33 و 34. صص 207-202.
4. آشتياني، سيد جلال الدين. عرفان: گنوستي سيزم – ميستي سيزم: مذاهب هندی: ودانتا (جلد 4). تهران: شرکت سهامی انتشار. 1386. 144 ص.
5. افشاری، مهران. افشار، ایرج. اسلام پناه، محمدحسين. قصه مهر و ماه. تهران: نشر چشمه، گیلگمش، چرخ. 1389. 198 ص.
6. باوندپور، محمدرضا. يوسف جمالی، محمد کریم. جدیدی، ناصر. اعرابی هاشمی، شکوه السادات. بررسی نقش ایزدمهر در متن مذهبی مهریشت اوستا. دوره 15. شماره 58. آذر 1399. صص 179-191.
7. تقی، شکوفه. از مار تا مهر و میر: ارتباط زبان شناختی. ایران نامگ: سال 4، شماره 1، 1398. صص 136-111.
8. جعفری قریه علی حمید. مهر و خورشید در منظومه های حماسه ملی. نشریه کاوش نامه زبان و ادبیات فارسی (کاوش نامه). سال 1385. دوره 7. صص 63-94.
9. جرج فریزر جیمز. شاخه زرین؛ پژوهش در جادو و دین. ترجمه: کاظم فیروزمند. تهران: انتشارات آگاه. 1388. 865 ص.
10. حسینی تشنیزی، فریبا. امیرارجمندی، نازنین. اشتقاق زبان فارسی در چارچوب نظری رابرت بردفصلنامه پازند. سال 16. شماره 60. پاییز 1401. صص 45-68.

11. راشد‌محصل، محمد‌رضا. سنت قصه پردازی و نقش گوسان ها در نقل روایت های پهلوانی. پژوهشنامه ادب حماسی. 1391. دوره 8، شماره 14، صص 11-25.
12. رضازاده، زهرا. حسن اوغلی زرنق، سویل. بررسی نقوش جانوری در آیین میترائیسم. کنفرانس بین المللی پژوهش در علوم و تکنولوژی. کوآلامپور، مالزی. 2015.
13. رضایی دشت ارژنه. محمود. هستی شناسی میر نوروزی با تکیه بر بیٹی از حافظ. پژوهش های ادب عرفانی (گوهر گویا). 1387. دوره 2. شماره 4، صص 75-94.
14. رضایی، میترا. مهریشت: متن اوستایی، آوانویسی، ترجمه، یادداشت‌ها و واژه نامه. تهران: هیرمبا. 1400.
15. رضی، هاشم. اوستا: گاناها، یسنا، یشت ها، ویسپرد و خرده اوستا / نوشته و پژوهش هاشم رضی. تهران: بهجت. 1378.
16. ریاضی، دومان. گوسان پارسی - کریشنا هندی. پژوهشنامه تاریخ، سال شانزدهم. 1400. شماره 65. صص 1-19.
17. سینا، خسرو. مرادی، مهدی. واکاوی مولفه های هویتی در نمایش میرنوروزی از منظر نظریه میخائیل باختین. پژوهشنامه ادبیات کردی. دوره 6، شماره 1، 1399. صص 25-39.
18. ظهیری، بیژن. عشقی، جعفر. مهربانان، انتقال دهندگان سنت و فرهنگ ملی ایرانی به دوره اسلامی. فصلنامه ادب پژوهی. پیاپی 28، تابستان 1393. صص 29-54.
19. فرانس والری ماری کومون. آیین پررمز و راز میترایی. رازهای میترا. مترجم: هاشم رضی. تهران: بهجت. 1383. 306 ص.
20. محمودآبادی، سیداصغر. عباسی، علی اکبر. فرایند برگزاری جشن مهرگان در قرون نخستین اسلامی. فرهنگ زمستان. 1387. شماره 68، صص 257-284.
21. معین، محمد. فرهنگ فارسی. تهران: انتشارات امیرکبیر. 1386. جلد چهارم.
22. معین، محمد. فرهنگ معین. تهران: انتشارات امیرکبیر. 1350.
23. نبی لو، علیرضا. ریخت شناسی داستان مهر و ماه. پژوهش زبان و ادبیات فارسی. 1390. شماره 23. صص 101-122.

References

1. Guseinova ED. Nekotorye zametki o proizvedenii Mihaila Jur'evicha Lermontova. [Some notes on the work of Mikhail Yuryevich Lermontov]. "ASHUG GHARIB". Philological sciences. *East European Scientific Journal*. 2021;6(70):37-40. (In Russ.).
2. Sokaeva DV, Dzaparova EB, Moradi M, Shafaghi M. Issledovanie persidskogo fol'klora: genezis, semantika, indoevropskij i iranskij kontekst. [A study of Persian folklore: genesis, semantics, Indo-European and Iranian context]. Allameh Tabataba'i University, SOIGSI. VI Abaeva VNC RAN, Tehran-Vladikavkaz, 2024. 384 p. (In Russ.).
3. Islam-Panah MH. Ghesseye mehr-o mah. [The story of the Sun and the Moon]. *Mirror of heritage (Ayene-ye miras)*. *Semiannual journal of Literary and Textological studies*. Iss. 4, Vol. 2nd and 3rd, Summer and autumn 2015. (33 and 34 in a row). Pp. 207-202. (In Pers.).
4. Ashtiani J. Erfan: Gnostisizm – Misticizm: Mazaheb-e hendi: Vedanta. [Gnostic mysticism - mysticism: Indian religions]. The 4th v., Tehran: Sherkat-e sahami-ye enteshar, 1994. 144 p. (In Pers.).
5. Afshari M, Afshar I, Islam-Panah, MH. Ghesse-ye mehr-o mah. [The Story of the Sun and the Moon]. Tehran: Cheshme, Gilgamesh, Charkh. 2010. 198 p. (In Pers.).
6. Bavandpour MR, Jamali KY, Jadidi N, Arabi-Hashemi Sh. Barresi-ye naghsh-e Izadmer dar matn-e mazhabi-ye Mehrisht-e Avesta. [Investigating the role of Izadmehr in the religious text of Mehrisht Avesta]. *Scientific Journal of History*. Fall 2020;(58):179-199. (In Pers.).
7. Taqi Sh. Az mar ta mehr-o mir: erbat-e zanabshenakhti. [From snake to Mehr and Mir: Linguistic connection]. *Iran Namag*. Spring 2019;(4(1)):111-136. (In Pers.).
8. Jafari-Qaryeh Ali-Hamid. Mehr-o Khorshid dar manzumeh-haye hemase-ye melli. [Mehr and Sun in the national epic poetry]. Kavosh-Nameh. *Persian Language and Literature Journal*. 2006;7:63-94. (In Pers.).
9. Frazer JG. Zolotaja vetv' issledovaniy v oblasti magii i religii. [The golden branch of research in magic and religion]. translated by Kazem Firouzmand. Tehran: Aghah, 2005. 864 p. (In Pers.).
10. Hosseini Tashnizi F, Amirarjomandi N. Eshteghagh-e zaban-e farsi dar charchub-e Nazari-ye Robert Bird. [The derivation of the Persian language in the theoretical framework of Robert Bird]. *Pazand*. Year 16. Issue 60. Autumn 2022. Pp. 45-68. (In Pers.).
11. Rashed Mohassel MR. Sonnat-e ghesseh-pardazi va naghsh-e gusan-ha dar naghsh-e ravayatha-ye pahlevani. [The tradition of story making and the standpoint of minstrels in the narration of heroic romance]. *Journal of Epic Literature*. 2012;8(14):11-25. (In Pers.).

12. Rezazadeh Z, Hasanoglu Zarnak S. Barresi-ye noghush-e janevari dar ayin-e mitraism. [A study of animal motifs in mithraism religion]. International Conference on Research in Science and Technology. Kuala Lumpur, Malaysia. 2015. (In Pers.).
13. Rezai-Dasht-Arjaneh M. Hasti-shenasi-ye mire nowrouzi ba tekuye bar beyti az Hafez. [Ontology of Mirnorouzi based on a verse of Hafez]. *“Gohar Gooya” scientific journal*. Winter 2017;(2(8):75-94. (In Pers.).
14. Rezaei M. Mehrisht: matne avestayi, avanevisi, tarjome, yaddasht-ha va vaje-nameh. [Mehrish: Avestan text, transcription, translation, notes and glossary]. Tehran: Hiramba. 2021.
15. Razi H. Avesta: Gata-ha, yasna, yasht0ha va khorde-avesta. [Avesta: Gathas, Yasna, Yasht, Visparad and small Avesta]. Written and researched by Hashem Razi. Tehran: Bahjat, 1999. 668 p. (in Pers.).
16. Reyazi D. Gusan-e Parsi – Krishna Hendi. [Persian Gosan - Indian Krishna]. *Scientific journal of History Research*, 15th year. 2022;(62):1-19. (In Pers.).
17. Sina K, Moradi M. Vakavi-ye moallefeh-haye hoviyyati dar namayesh-e mir-e nowrouzi az manzar-e nazari-ye-ye Mikhail Bakhtin. [Analyzing identity components in Mirnorouzi’s play from the perspective of Mikhail Bakhtin’s theory]. *Journal of Kurdish literature*. Spring and Summer 2020;(6(1)). Series 9:25-39. (In Pers.).
18. Zahiri B., Eshghi J. Enteghal-dahandegan-e sonnat va farhang-e melli-ye Irani be dowre-ye eslami. [Mehrabanan, a bridge between Iranian and Islamic culture and tradition]. *Quarterly Journal of Literary Studies*. No. 28, Summer 2014. Pp. 29-54. (In Pers.).
19. Cumont F. Ayin-e por-ramz-o raz-e mitrayi: Razha-ye Mitra. [The mysteries of Mithra]. Translated by Hashim Razi. 2nd ed., Tehran: Bahjat, 2004. 306 p. (In Pers.).
20. Mahmoudabadi SA, Abbasi AA. Farayand-e bargozari-ye jashn-e mehregan dar ghorun-e nokhostin-e eslami. [Mehregan ceremony in the first Islamic centuries]. *Jouranl of “Farhang”*. Winter 2017;(68):282-257. (In Pers.).
21. Moein, Mohammad. Persian Dictionary. Tehran: Amirkabir Publications. 4th Vol. 2007. (In Pers.).
22. Moein, Mohammad. Moein’s Dictionary. Tehran: Amirkabir Publications. 1977. (In Pers.).
23. Nabilu A. R. [Morphology of the Sun and the Moon Story]. *Scientific Quarterly “Research on Persian Language and Literature”*. Winter 2013;(23):101-122. (In Pers.).

Информация об авторе

М. Мореди — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы

Information about the author

M. Moradi — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of Russian Language and Literature.

Статья поступила в редакцию 20.10.2025; одобрена после рецензирования 08.11.2025; принята к публикации 22.05.2026.

The article was submitted 20.10.2025; approved after reviewing 08.11.2025; accepted for publication 22.05.2026.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.